Гарри прятался.

Прячась под отцовской мантией-невидимкой, он присел у входной двери, наполовину спрятавшись за удобно расположенным горшечным растением для дополнительной безопасности. Он с подозрением посмотрел на растение. По правде говоря, это было очень удобное растение, и теперь он не мог перестать думать о нем. На самом деле он был почти уверен, что растения не существовало, пока он искал, за чем бы спрятаться на случай, если Муди или Дамблдор придут со своими "всевидящими глазами" и заметят его. Откуда же взялся этот подозрительный папоротник?

Мимолетное прикосновение невидимого существа к его плечу дало ответ на этот вопрос, и Гарри перестал испытывать паранойю по поводу случайно появляющихся растений. Если Смерть могла материализовать книгу и очки, то почему не растения?

Несмотря на то, что он молчал, разочарованный, под мантией-невидимкой и сидя на корточках за растением, Гарри всё равно затаил дыхание, когда мимо него рысью прошла миссис Уизли, её лицо было встревоженным, так как она явно искала его. Ему было немного стыдно за то, что он ее беспокоит, но, честно говоря, он был готов сойти с ума.

Орден постоянно преследовал его с тех пор, как он на днях произнёс фразу "Волдеморт мёртв, смиритесь с этим", явно не впечатлённый его описательными способностями или демонстрацией Смерти, свидетелем которой он, к счастью, не был. Рассказы из вторых рук были достаточно жуткими; у него не было ни малейшего желания видеть полупереваренные куски Волдеморта, спасибо вам большое.

Рука на его плече коротко сжалась, словно в ответ на направление его мыслей. Гарри не мог удивляться этому моменту. Смерть умела делать практически все, чтение мыслей не могло быть для нее чем-то запредельным. Гарри обдумывал свою реакцию на это новое развитие событий, задаваясь вопросом, почему его не так беспокоит мысль о том, что Смерть читает его мысли, как если бы это делал, скажем, Дамблдор. Они оба были вторжением в его личную жизнь - то, что он религиозно оберегал, - и он был в равной степени бессилен остановить любого из них.

Но он доверял Смерти. Он бы не поверил Дамблдору, что тот не передаст ему цианид, если он попросит соли. А вот Смерть...

Смерть защищала его, была честна с ним и, казалось, искренне заботилась о его душевном и эмоциональном благополучии, а это было больше, чем то, на что могли претендовать большинство взрослых в его жизни. Кроме того, Смерть обладала огромной силой и была готова использовать эту силу на благо Гарри, чем он беззастенчиво пользовался, когда это соответствовало его целям. Пример тому: Волдеморт.

Гарри оглядывался по сторонам, высматривая других членов Ордена, которые могли бы попасться ему на глаза в самый неподходящий момент, например, когда он готовился открыть дверь и убраться из Гриммаулд Плейс, пока не сошёл с ума и не начал поедать чужие печени с

фасолью фава. Гарри почти почувствовал, как Смерть забавляется такой возможностью, и ухмыльнулся в ответ.

Он не мог не заметить, что довольно быстро приспосабливается к странному чувству юмора Смерти и даже сам использует некоторые его приемы. Было ли это следствием того, что Смерть что-то с ним сделала, или просто побочным эффектом того, что у него впервые появился близкий, почти родной человек, с которым он проводит достаточно много времени, было неясно, но Гарри это не слишком беспокоило. Смерть, казалось, прекрасно ладила с ним, странный юмор и все такое, и Гарри был бы счастлив, если бы смог вырасти хоть на десятую часть того, кем была Смерть.

Только... ну, знаете, без того, чтобы быть мертвым и бессмертным. Он мог бы обойтись и без этого.

Решив, что все ясно, Гарри тихо и осторожно поднял руку к дверной ручке, стараясь оставаться незаметным под плащом. Он знал, что мог бы просто попросить Смерть забрать его из дома, но ему казалось неправильным использовать эту сущность в качестве транспортной службы. К тому же ему не хватало острых ощущений, связанных с кражей.

Дверь открылась с ужасным скрипом ржавых петель, и Гарри проскочил в неё, не рискуя, что звук привлечёт внимание, и проклиная себя за то, что не догадался закрыть эту чёртову дверь, прежде чем открывать её. Он ужасно заржавел.

Мысленно ударившись головой о стену от ужасных каламбуров, которые придумывал его внутренний монолог, Гарри направился к углу, словно Пушистик за ним по пятам. К этому моменту его плащ стал совсем бесполезным: он развевался вокруг него, как и любой другой плащ, превращая его в пару бегущих, оторванных от земли ног для всех, кто в этот момент смотрел на улицу.

Он обогнул угол и прижался спиной к ближайшему дому, переводя дыхание и позволяя плащу снова опуститься вокруг него. Он почти представлял себе, что слышит возвышенные голоса паникующих членов Ордена, но, конечно, ни один звук не вырвался за стены. Улыбнувшись успеху, Гарри скрылся за углом, надеясь найти укромное местечко, чтобы вызвать Рыцаря Автобуса. Он планировал посетить Диагон-аллею - Орден никогда бы его не отпустил, даже под усиленной охраной, - и заглянуть в Гринготтс, пока будет время.

У него было достаточно времени подумать, пока Орден пытался разрушить его запирающие чары, и он убедился, что неоднократные настойчивые просьбы Дамблдора вернуться к родственникам были незаконными. Конечно, его родители оставили завещание или что-то в этом роде? И вообще, какое право имеет директор школы отдавать сирот на воспитание маглам?

Не то чтобы он так уж сильно беспокоился о Дурслях. Теперь с ним была Смерть, и какая-то часть Гарри хотела вернуться на Прайвет-драйв, чтобы посмотреть, как его толстый дядя-морж попытается что-то сделать, а Смерть отреагирует. Он задвинул эту часть себя подальше,

стараясь не обращать на неё внимания. Когда речь заходила о Дурслях, эти желания возникали всегда, но Гарри был ещё не в том состоянии, чтобы с чистой совестью отправиться в их дом с целью жестокого убийства.

Ведь именно это, очевидно, и произойдёт, если он туда вернётся. Либо Смерть возмутится тем, что родственники относятся к нему как к домовому эльфу, и сделает с ними что-то противоестественное, либо Гарри наконец сорвется и взорвет дом случайной магией.

http://tl.rulate.ru/book/101167/3475046